

Агни-Баба

Толстая Ле-я много раз рассказывала мне о Бабе. С ним ее познакомила одна индианка . Индианку звали Падма и она говорила по русски.

Каждый раз когда я ненадолго приезжала в Пуну из города Х., Ле-я пыталась затащить меня к Бабе. Она уверяла, что Баба – просветленный.

Мне было достаточно «просветленного» гуру из Х. и я, приезжала в Пуну отдохнуть от его «просветленности», даже не осознавая этого.

Но на этот раз я сдалась.

Мы ехали пару часов на моторикше за пределы Пуну, к невысоким горам и холмам, густо покрытым зеленью. Здесь почти не видно было следов человеческого жилья и поэтому отсутствовали такие «признаки цивилизации», как груды мусора, «танцующие» на ветру грязные целлофановые кульки и тряпки.

Людей здесь не было видно и не было такой неотъемлемой части любого укромного уголка природы в этих краях, как человеческие экскременты. А значит и соответствующих запахов тоже не было. Здесь древняя индийская земля дышала здоровьем, неувядающей молодостью и показывала свой ослепительный лик.

Здесь никто не жил. Кроме Агни-Бабы.

Во всяком случае, это так выглядело.

Много безлюдного пространства. Редкость для Индии.

Здесь было чисто!

Было нетронуту и спокойно. Тихо.

Невысокие горы или высокие холмы были сплошь покрыты спутавшейся дикой зеленью. У подножия гор была плоская, как блюдо для тали, долина.

Кое-где были кусты и лоскуты пожелтевшей от солнца травы. Золотой травы.

Изредка попадались небольшие деревца. Под ногами – мелкие камешки, твердая, пересохшая земля красно-коричневого цвета. Островки зеленых кустиков, окруженных красного цвета почвой, интенсивно зеленились на солнце, как изумруды. Они были низенькие ,круглой формы и напоминали разбросанные по полю бильярдные шары.

Мы какое-то время шли прочь от проезжей трассы, вглубь этого тихого «континента».

Рикшавала (водитель рикши), тоже проехал немного вглубь и оставив рикшу под небольшим деревцем, пошел дальше рядом с нами.

Мы подошли к какому-то сооружению. Рукотворному.

По «архитектуре» - типичный slum. Из обрезков жести, шифера, фанеры и чегобы-то там еще ,были сложены четыре стены, с крышей и отверстием- дверью, закрывающимся куском висящей ткани. Но все было чистенькое и какое-то «новое», без слоя пыли и следов обшарпанности.

Мы заглянули в середину- никого.

Полом в этом, то ли маленьком храме, то ли в жилище, служила чисто выметенная голая земля. У противоположной от двери стены был сооружен из досок подиум. На нем лежали цыновка, пара подушек и что-то похожее на одеяло.

Слева, у подножия подиума, было место, примерно два на два метра, тщательно огороженное крупными круглыми почерневшими камнями. Внутри этого огороженного места, тлели угли и лежал густой слой нежного, серебристого пепла. Над пеплом возвышалась, прислоненная к стене, каменная Шивалингам. Из пепла торчала воткнутая в землю сабля и рядом с ней торчал трезубец. И трезубец и сабля были почерневшие от пепла и постоянного жара.

Здесь обитал Агни –Баба.

Под стеной, напротив места с огнем, лежал вдвое сложенный коврик. Видимо, подстилка для посетителей.

Мы стали ждать хозяина снаружи.

Пришел некто, кто видимо убирал вокруг этого жилища. По виду – крестьянин. Было странно что посреди этого, почти нетронутого уголка природы, кто-то с колючей и жесткой метлой ходит вокруг этого сооружения, скребя ею мелкие камешки и пыля. Подозреваю он делал это из уважения к Бабе, чтобы высказать свое почтение, а не из необходимости.

Этот подметальщик и рикша о чем-то переговорили на марати и рикша нам сообщил что Баба скоро вернется.

Я была настроена несколько скептически.

Все восторги Ле-и по поводу просветленного Бабы, вызывали у меня снисходительную улыбку. Слово «Баба» Ле-я склоняла, на русский манер и я тоже стала его так называть, по-домашнему.

Толстая Ле-я приехавшая из Одессы была жизнерадостная и светлая душа. Даже «наивная», но не нужно это путать со словом «глупая». Наивность Ле-и происходила от какой-то внутренней чистоты. Ее мудрость и прозорливость базировались на желании во всех и во всем видеть лучшее. Если «увидеть лучшее» не получалось, Ле-я умела пожалеть и простить.

Она любила петь старинные романсы.

Очень эмоциональная, умудрялась найти повод для восхищения почти во всем. В ней был неисчерпаемый океан энергии. В ее ярко-синих глазах, украшавших миловидное круглое лицо, плескалось одесское море.

Несмотря на всю свою гротескную полноту, Ле-я не была бесформенной. Между бедрами и талией была значительная разница в объеме, а лицо не было изуродовано двойными-тройными подбородками. Ле-я было по своему красивой.

Все ее называли «мамой», за ее готовность помогать, целить и кормить каждого. С ней было уютно. При этом, она была практичная и умела считать деньги и добывать их. Эта синеглазая блондинка с большущей попой и впечатляющих размеров грудью, обладала удивительной интуицией и феноменально гадала на картах. Чем и подрабатывала в Пуне.

Нам пришлось ждать минут пятнадцать. Стало жарко. Рядом с хаткой было дерево и мы сгрудились в его жиденькой тени.

И вот появился он-Баба.

Невысокая и щуплая его фигура, облаченная в ярко оранжевые одеяния, напоминала язык пламени. Особое сходство с языком пламени, придавал кусок оранжевой ткани, закрученный вокруг головы в виде высокого конуса.

Яркий цвет одежды подчеркивал длинную смолянисто-черную бороду и усы. Лицо было смуглое, с небольшими, но какими-то пронзительными глазами.

Меня поразили его большущие, тяжелые серьги. Это не было золото. Возможно это было серебро, не уверена. Но не сами серьги, а то как они были продеты в уши, впечатляло.

Серьги были вдеты не в мочки. В раковинах ушей были сделаны довольно большие отверстия и вот именно в них висели эти массивные украшения. На шее у Бабы была рудракша – мала, традиционный атрибут бога Шивы и шиваистов.

Баба заулыбался и пригласил нас жестом в дом.

Мы сели вдоль стены на разостланном коврикe, а Баба сел на подиуме, скрестив ноги в лотос. Рикша представил Бабе каждого из нас (кроме меня и Ле-и , здесь была Са-и и Дима).

Баба ласково улыбался, покачивал головой и иногда радостно всплескивал руками. По сравнению с грозным, толстым, и высокого роста гуру из Х., Баба выглядел несерьезным и ребячливым.

Мы привезли с собой сладости и бананы. Ле-я положила наши гостинцы рядом с Бабой на подиум. Агни-Баба посмотрел на наш прасад, заулыбался, подозвал жестом мужчину, убравшего вокруг дома и вручил ему все, кроме бананов.

Позже я узнала что все, что приносили Агни-Бабе : конфеты, кексы, печенье, деньги, украшения, теплые шали, одежду и т.п., он отдавал своим прихожанам. Те, кто приходил в этот маленький храм, в большинстве своем были бедны, многодетны и Баба их поддерживал деньгами и всем, чем мог. Иногда он их лечил.

Из бананов, принесенных нами, Баба выбрал один и держа его пальцами очень деликатно, как хрустальный шар , пальцами другой руки стал прикасаться к банану. Он как-то внутренне отстранился от нас. С бананом в руке, с полузакрытыми глазами, Баба стал казаться находящимся очень далеко, хоть и сидел рядом. Почти неслышно он произносил какую-то мантру. Это происходило недолго.

Затем взгляд его опять вспыхнул, он слегка улыбнулся. Своими тонкими, смуглыми пальцами разломил банан на несколько частей. Сказал что-то на марати рикше.

Р

Каждому из присутствующих достался кусочек.

Ох уж эти мне прасады! Сколько я их съела уже!

У гуру из Х. прасады были обильные, дорогие, иногда из нескольких блюд, иногда из изысканных индийских сладостей. У других гуру это тоже были фрукты, тали, орехи, ..да что угодно съедобное. Все подавалось на одноразовых больших тарелках из пальмовых листьев, а иногда и на металлических тарелках, тоже больших.

Иногда было очень вкусно, иногда – не очень... Прасад – это пища, олицетворяющая «божественную милость», символ «божественной благодати». Благословленная святым или гуру, эта еда очищает от грехов, карм и болезней. Это благословение от Бога. Так мне объяснили.

Но ничего «божественного» или «благословенного» я в этом не находила , хоть и ожидала. После поглощений прасадов, никакого возвышенного состояния, никакой легкости на душе или особой радости и здоровья. Повидимому, прасад это просто обычай, старинное поверье. Просто –обед с гуру и со всеми дисайплами вместе. В приятной компании, так сказать. И не более.

И вот здесь, в этой избушке «на курьих ножках», опять - прасад.

Традиция есть традиция. Человек я вежливый, я сделала намастэ и взяла кусочек банана, протянутый мне Агни –Бабой.

Под впечатлением незатейливости окружающего быта и интерьера, неконтролируемо молнией в голове пронеслась мысль: «Надеюсь я не подхватю какую-нибудь инфекцию».

Позже, когда я вспоминала об этой мысли, мне было стыдно.

Отправив прасад в рот, со скукой, я решила что серьги Агни-Бабы, видимо, были самым впечатляющим из этого путешествия. И стала терпеливо ждать когда мы поедem обратно, в Пуну.

Но съеденный заколдованный Бабой кусочек банана, вином разлился по всему моему телу.

На меня снизошел необыкновенный покой и умиротворенность. Стало невысказанно хорошо. Все умственное и эмоциональное напряжение, которыми я изводила себя последние месяцы, испарились.

В уме медленной ладьей поплыло мысле-чувство: «приехала»!

Это был первый в моей жизни настоящий Прасад.

Все остальные «прасады»- были просто еда.

А Баба по прежнему периодически хлопал в ладоши и смеялся. Очень несерьезный.

На прощанье он почистил каждого из нас метелочкой из павлиньих перьев и дал, завернув в пакетики из газеты, пепла. Пепел был из того угла где торчали сабля и трезубец.

Пепел нужно было принимать малюсенькими щепотками. И есть, и втирать в больные места или ставить им точку на месте третьего глаза.

Ле-я, подрабатывающая еще и массажами, стала добавлять этот пепел в массажное масло. Она говорила что люди после такого массажа чувствовали себя по особенному.

В один из визитов к Агни-Бабе, он сказал нам с Лее-й что хотел бы инициировать нас в агни-йогу.

К тому времени я уже получила несколько разных инициаций и в еще одной я не видела смысла.

Но Ле-я! Ее это так вдохновляло! Ей этого хотелось и она беззаветно верила Агни-Бабе. Ей хотелось пройти инициацию вместе со мной.

Нужно было знать Ле-ю. Это была настоящая очаровашка! Ее готовность, вдохновение и радость были штормоподобны! Энтузиазм превратил в ее девочку, несмотря на то что ей было за сорок.

Я согласилась.

Для инициации нужна была оранжевая одежда. Нужно было купить.

Учитывая мою стесненную материальную ситуацию, не могло быть и речи что я стану покупать «наряд», который после этого посвящения, больше никогда в жизни не надену.

Ничего не сказав об этом Ле-е, я подумала что Баба не станет меня инициировать неправильно одетую и все разрешится само собой. Я поприсутствую на ритуале трансформации Ле-и в Агни-Ле-ю, разделю ее радость. И все.

Мы приехали к Бабе рано утром. Из Пуны отправились еще затемно.

Не помню точно, но кажется ритуал должен был быть совершен с восходом солнца.

Мы привезли с собой необходимые цветы, фрукты.

С нами приехало двое саньясинов из ашрама Ошо, они были австралийцы. Ле-я на днях их тоже познакомила с Бабой и они тоже возжелали посвящения в агни-йогу. Агни-Баба согласился их посвятить, но сказал что ритуал стоит 1000 рупий.

Когда австралийцы ушли, я сказала Бабе что отказываюсь от инициации- дорого.

Баба ответил (он немного говорил по английски), что он знает что у меня нет денег. И вообще, он знает с кого что спрашивать.

Позже эти деньги пошли на лечение кого-то из навещающих Бабу бедняков.

Мое, не огненного цвета одеяние, обязательное при инициацию в агни-йогу, не остановило Бабу. Инициированы были все.

Я плохо помню ритуал посвящения. Все проходило как во сне.

В домике Бабы был полумрак.

Сладко пахло от воскуренных благовоний. В углу, где в клубах сиреневого дыма угадывались силуэты тризубца и сабли, прожигая насквозь дымную завесу, ярко вспыхивали раскаленные угли.

Баба усадив меня, стал читать мантры и что-то проделывать вокруг меня с цветами и водой. Мельком я заметила несколько небольших чаш поставленных полукругом возле меня. В одной были цветы, в другой вода, в третьей, кажется, прасад-сладости... Еще что-то. Для меня это было неважно.

Я закрыла глаза.

«Ом Намах Шивая!», «Ом Шива!»- повторял Баба вместе с другими словами, в разных вариантах и комбинациях.

Я чувствовала как он посыпал мне голову ароматными лепесками роз и они, скользя по моим щекам, опускались мне на колени, на лежащие на коленях руки. Кажется он меня и водой опрыскивал. Возможно дал мне прасад. Не помню.

Странно что все это осталось в памяти, как прозрачный, нечеткий акварельный набросок-намек. И никаких подробностей.

Однажды я и Са-и отправились к Агни –Бабе.

Дорога была длинная и мы всю дорогу разговаривали.

Я рассказывала как все было организовано в городе X. вокруг того, другого гуру. Как там проходят сатсанги....

Там все было поставлено на европейский- американский уровень.

Дни, когда гуру давал сатсанги в своем частном одноэтажном, небольшом доме, с перерывами на чай домашнего приготовления, когда атмосфера была тоже домашняя, теплая, без торжественности и поклонения, давно канули в Лету.

Теперь, приехавшие богатые дисайплы, сняли для сатсангов большой дом.

В большом холле, где проходили сатсанги, работал кондиционер. А после сатсангов – ресторан. Холл вмещал иногда более полутора сотен человек. Все было цивилизованно, комфортно, чисто. Гуру тоже стал другим...

Теперь он говорил по английски в микрофон и все что он говорил записывалось на видеокамеру.

Организаторам всего этого комфорта, на сатсангах было отведено постоянное почетное место у самых ног гуру. Это считалось благословением и знаком отличия.

Они с фанатизмом следили чтобы гуру ни в чем не нуждался не только на сатсангах, но и у себя дома.

Книги с текстами сатсангов были изданы на английском и многих других языках и позже, на русском.

В основе организации места для сатсангов лежал опыт ашрамовцев из Пуны. Того самого ашрама, в котором когда-то давал даршаны мой любимый Ошо.

Бывшие саньясины, приехав сюда, привезли свой опыт, почти –профессионализм и деньги. Вначале, сюда в город X. их приехало много. Некоторые оставались, некоторые иногда приезжали, некоторые наведавшись, никогда более не возвращались.

Все благоговение перед этим «просветленным» гуру, известным во всем мире и называемым «дзэн-мастер», гуру, который сам намекал на то, что он и есть инкарнация бога Рамы, а позже и Кришны, не могло не впечатлять.

Все и я в том числе, ему кланялись и поклонялись.

Мне и в голову не приходило заглянуть вовнутрь себя и спросить ЧТО я действительно чувствую и думаю по поводу всего этого. Я перестала слушать и верить своей

интуиции, своему чувствованию. Вся эта мощная, как цунами, волна всеобщего поклонения, обожествления гуру, бесприкословного подчинения и служения ему, смела меня, заставила усомниться в собственном видении его и понесла меня как щепку.

Куда понесла? К чертям собачьим.

Будучи по природе своей негипнабельной индивидуалисткой, я как-то незаметно для себя, побежала в общем стаде.

Видимо, я так хотела.

Видимо, мне нужно было чему-то у этого всего научиться.

Ничто в нашей жизни не происходит без нашего согласия. Даже если мы не осознаем своего согласия.

Но это все я пойму потом. Через годы.

А сейчас, подъезжая к месту обитания Агни-Бабы и проведя сравнение между ним и тем гуру, я сказала:

«Знаешь Са-и, Баба он очень милый, может быть он даже просветленный, но он –не Мастер»

Мы подошли к хатке Бабы. Нырнув под тяжелый кусок ткани, заменявшей дверь, мы оказались прямо перед стоящим Агни –Бабой.

Сделали намастэ.

Баба улыбнулся и глядя на меня мягко сказал : « Сами, я-Мастер».